

Марюс Ивашкявичюс

Восход богов

Театральное расследование военного преступления

Первое действие

На сцене шесть актрис. Все они из разных театров, разных постсоветских стран. Им командует Голос – уставший от жизни мужчина лет 40-50.

1.Кастинг

Голос: *(тихо бормочет)* Которая из них Анна? Вишня, Настя... Лена, Саша... Света, Кристина... которая? Ви-На. Ле-Са. Све-Кри... Кри-Све... Хуйня – не получается.

Свет высвечивает каждую опомянутую. Останавливается на Насте.

Голос: Какая сидит! У всех глаза в пол, а у этой... «Смотрите, я одна тут такая. Я – главная!» Ну, посмотрим...

Пауза

Голос: Перетасовать их, что-ли? По росту? Или по... *(громко)* Могу я вас попросить пересесть. По возрасту: слева - старшая, справа – младшая...

Женщины меняются местами.

Голос: И начнем с лева - с младшей.

Кри: Двадцать два.

Ви: Тридцать шесть.

Са: Сорок один.

На: Сорок два.

Све: Практически сорок три.

Ле: Шестьдесят один.

Свет остается на Ле.

Голос: (*тихо*) Какой отрыв от остальных! В принципе, бабушка, но еще... не зря эти твари шестидесятилетних... Когда слышишь - жуть: двадцатилетний русский солдат изнасиловал украинскую бабушку. Но вот смотришь на Ле и... понимаешь, что возможно.

Пауза

Голос: Анне двадцать девять. То есть, где-то между Ви и Кри. Но очень уж между. Кри - ребенок. А Ви уже... мать и все остальное.

Пауза

Голос: К черту возраст. Анне будет тридцать шесть, и шестьдесят, а ей придется продолжать с этим жить. Как говорил Мантас, Анна в жизни съела столько дерьма, что невозможно было ее не полюбить. Вот где ее надо искать. Выворачивать из них все и смотреть - кто первая из них скинет с себя все лишнее. (*громко*) Кому-нибудь из вас приходилось играть на сцене голой?

Все молчат, смотрят в пол.

Ле: У меня несостоявшийся опыт раздевания на сцене. Это было очень давно, по-скольку я самая старшая в этой группе...

Голос: (*тихо*) Бабушка Ле? Неожиданно.

Ле: Мы репетировали и в день спектакля режиссер сказал: «Вам придется раздеться». И я просто... естественно, у меня было отторжение. Если бы со мной поговорили серьезно, объяснили необходимость этого акта, я бы согласилась. То есть, я почувствовала некое такое насилие над собой и я сказала: нет, я этого не буду делать.

Голос: (*тихо*) Насилие. Вот мы как раз про это. Ради этого и собрались.

Ле: И этот отказ мне стоил двенадцати лет расставания с профессией. Это что касается физического обнажения. А что касается... ну, как бы морального, то это понятно, что каждая серьезная роль от тебя требует...

Све: Нет, душевное обнажение – это, конечно, наша профессия.

Ви: Но опять же, когда бережно относятся к твоему душевному обнажению. Вопрос контекста: если это художественная ценность, я готова открыться, вскрыться и показать все, что болит...

Голос: (*громко*) Постойте, постойте - все эти душевные ценности... Ну вы же все постсоветские... (*тихо*) чуть не сказал проститутки. Ладно, не будем так строго: избранные невесты в художественном гареме. «Мее too» на язык их мира переводится как «та-бу». И, конечно, преследуется. Теми, кто это сделал. (*громко*) Я имею ввиду, вы из мира, где вызов красивой актрисы в кабинет худрука означал всегда только одно. Или у меня старые сведения?

Пауза

Ви: Нет. Я вот проработала три года в одном киевском театре и ушла именно по той причине. Потому что не захотела попробовать коленями ковер. Как говорят: не бойся, следы от ковра на коленях не остаются.

Ле: Естественно. И вот этот мой отказ раздеться на сцене дублировался с отказом раздеться в кабинете. Просто об этом тогда не спрашивали.

Ви: И я была по этой причине уволена.

Ле: Ровно, как и я.

Ви: Мне говорили: «ты закрываешь свои пути в театр. Вообще-то это нормально, для всех это как бы нормально». Потом, перед самой войной, связи с этим худруком открылось много подробностей и оказалось, что я не то что не одна, я наверно одна из не многих, кто сказал «нет». Насколько я знаю, восемьдесят процентов женской труппы попали под эту волну...

Голос: Что значит «попали...»? Он с ними переспал?

Ви: Конечно. Это значит, пришел человек в театр и начал играть во власть.

Пауза

Голос: Как же точно она сформулировала: начал играть во власть...

Кри: Мой худрук... ну он нас раздевал и как бы морально насиловал всех, там девочек с мальчиками - контактные импровизации... У нас как бы было все на сексе, но чтобы вот именно приставать... Нет, он все делал словесно, нас соединял там между собой, мы раздевались...

Голос: (*тихо*) Как она мило краснеет. Тут уже надо быть идиотом, чтобы сразу к такой приставать.

Кри: Это такой пиздец был: каждый день надо было раздеваться, с кем то целоваться...

Са: А нас учили, что большинство режиссеров будут пытаться раздеть вас на сцене, но если уже соглашаться, для этого нужны очень резкие основания. Всегда ждите аргументов, от которых вам не останется вопросов.

Голос: (*тихо*) И тут подтянулись робкие.

Са: Например, меня много раз пытались раздеть, но ни разу не удалось. Не потому, что я не могу показать свое тело, нет, я могу, оно очень красивое, но я не вижу в этом необходимости...

Голос: Ладно - теперь сформулировать. Пока эти робкие-бодренькие окончательно градус не сбили. Главное, умно спросить. То есть, не «кто из вас смог бы», а «кто бы не смог». (*громко*) Скажем так: если в этом есть художественная необходимость и все максимально оправдано... И вот у нас одна главная роль, большая, а все остальные эпизодные. Но на главную нужно раздеться. Есть среди вас, кто вообще на это не готов?

Все молчат, показывая готовность раздеться.

Голос: (*тихо*) Все. Даже бабушка Ле. И эта готовность... Вот она власть! Изощренная. Как бы можешь все, а не делаешь. Все, что захочешь...

Са: (*робко поглаживает себе бедра*) Ну если максимально оправданно...

Голос: Но я не хочу их унижить. Я хочу им помочь. (*громко*) Хорошо, а теперь ситуация - не дай бог, но представим: вашего мужа - мужа, любимого человека - пытаются, а вы в другой комнате и тут рота солдат. И вы можете его спасти, но для этого нужно...

Женщины молчат

Голос: (*тихо*) Нет, это наше - мужское. Страшнее всего на свете. Или я что-то путаю? Анна была очень близко... чтобы на такое решиться.

Кри: Я, кстати, потому и уехала. Моему мужу постоянно снилось, даже не снилось, говорит, закрываю глаза и постоянно вижу, как тебя насилуют. А я ничего не могу сделать. Он просил, чтобы я уехала и я уехала.

Голос: (*тихо*) Ну это всего лишь предчувствия. А если... ну да ладно, оставим.

Кри: Мне кажется это такой момент... и если у тебя в принципе есть шанс спасти... То почему им не воспользоваться.

Голос: (*тихо*) Спасибо. Ответ героический.

Кри: У меня когда-то была... в жизни... неприятная ситуация, скажем... но, мне кажется, психика... не знаю, это зависит...

Голос: (*громко*) Тебя изнасиловали?

Кри: Нууу... яая, это... мне кажется, психика такая вещь, что ты... если она видит цель, то... это можно выдержать. Твое тело как бы тебе уже не принадлежит. Душа остается, но...

Голос: (*тихо*) Вот оно как! Честно, не ожидал.

Ле: По поводу того, что память чистится – память чистится. У меня, к сожалению, опыт был, в семнадцатилетнем возрасте, я с этим нормально живу и как бы ничего во мне не сломалось.

На: Ну я тебе скажу, у меня был опыт в двенадцать лет, я не готова щяс обсуждать детали, но психически многие вещи не восстанавливаются. Может в семнадцать оно как-то легче...

Ле: Конечно: всю голову разбили об стену – нормально, да?

На: Но я, например, очень долго выгребала и возможно даже продолжаю выгребать. Из... этой истории.

Голос: (*тихо*) Да, забрели куда надо. И это явно еще не дно. (*громко*) А есть среди вас, у кого нет вот этого... опыта сексуального насилия?

Вишня поднимает руку.

Голос: (*тихо*) Одна. Из шести.

На: Я думаю, что с выбором профессии потом люди определяются именно из-за вот таких ситуаций. И почему тут сидят актрисы... Сидели бы какие-нибудь другие женщины из какой-нибудь другой сферы, было бы совсем другое... процентное соотношение.

Све: Это не факт.

На: А мне кажется это как раз... что ты... после глубокой травмы в сексуальном плане в детстве... ты пытаешься разобраться с собой всю жизнь. Ты себя ищешь, ты не можешь найти себя гармоничного. Себя настоящего. А роль, театр, кино – это то, когда ты понимаешь обстоятельства, знаешь, чем закончится и с чего начиналось.

Голос: (*тихо*) И вот он – рещающий выстрел. Выждала, отсиделась, а потом встала и всех уложила.

На: То есть, все равно какая-то определенная жизнь, в которой тебе комфортнее, чем в твоей реальной жизни.

Голос: Только это еще не Анна. По крайней мере, не сейчас. Не сегодня.

2.Бег

Голос: (*громко*) Попробуем Мариупольский кашель. (*тихо*) Как говорила Анна: «Мариупольский кашель еще... я хочу его сохранить». (*громко*) Давайте со старшей.

Ле: Со старшей... во первых у меня сегодня не чем кашлять. Могу выкашлять легкие, нету голоса.

Готовится.

Ле: *(кашляет)* Мариупольский кашель еще.

Голос: *(тихо)* Глубоко. Чуть-чуть театрально.

Све: *(кашляет)* Мариупольский кашель еще.

Голос: *(тихо)* Легче уже. Сериально.

На: *(кашляет)* Мариупольский кашель еще.

Голос: *(тихо)* Без комментариев.

Са: *(кашляет)* Мариупольский кашель еще.

Голос: *(громко)* Это не Мариупольский.

Ви готовится кашлять. Са начинает кашлять.

Са: *(кашляет)* Извините.

Ви готовится. Са опять начинает кашлять.

Са: *(кашляет)* У меня просто кашель...

Ви готовится. Начинает кашлять и Са вместе с ней.

Са: *(встает)* Простите.

Кашляя уходит. Ви не понимает, ей еще кашлять или уже не надо.

Голос: *(тихо)* Нет, это все далеко. Мариуполя тут не слышно вообще. Надо их чем-то приблизить. *(громко)* Кри, покажи это видео.

Кри вынимает телефон. Ищет видео.

Голос: Не заставляю смотреть. Кто чувствует, что не надо – не надо.

Женщины медленно подтягиваются к сидящей Кри. Возвращается Са.

Мужской голос из телефона Кри: Любимая... прости меня... я вас очень сильно люблю... вырасти пожалуйста Леву не такого как я, дурака (*пытается смеяться*)... Левушка... зайка, любимый, дорогой... вырасти... чтоб у тебя все было хорошо... ты жив был, здоров... мама, сестра, папа, я всех вас обожаю... люблю и я надеюсь это видео... попадет в ваши руки... увидите... все у вас будет хорошо. Обнял, целую (*пытается смеяться*)... Ну я не думал что... будет так... все... Я вас сильно, сильно люблю. Обнял. Простите меня (*звук воздушного поцелуя*).

Женщины в тишине медленно возвращаются на свои места.

Голос: (*тихо*) Да, это уже - Мариуполь. Только еще не Аннин, а Янин...

Све: Нет, она, конечно - вообще... Очень хорошо держится. Я, наверно бы так не смогла. Очень сосредоточена. Очень обстоятельна.

Голос: (*тихо*) ...они как бы реверс друг друга. Ну, то есть, Анна и Яна. В принципе все то же самое, только наоборот.

Све: И когда она рассказывала весь их путь, я с ужасом представляла, как она с маленьким ребенком, это ж надо, чтоб он постоянно сидел, никуда не лазил, ничего не трогал...

На: Ребенка она в поездке этой даже не вспоминала. Мне все хотелось спросить, а где он? Она его привязала и все...

Ле: Да, вот с этого момента он будто исчез. Потому что у нас, как у матерей, этот был вопрос: где ребенок? А она все: привезала и...

Ви: А это потому что вы не готовились к войне... если бежать с ребенком. У меня, например, где-то уже месяц было такое внутреннее ощущение.... Пиздеца. И я общалась со своим психологом, которая так же из Луганска бежала 8 лет назад, и она говорит: если тебе страшно, сделай действия, которые тебя успокоят. Ну, например, собери тревожный чемоданчик - это тебя успокоит. Что я и сделала. Поэтому у меня есть гигрометр...

Ле: Что?

Ви: Прибор, который измеряет влажность. Мда, я ебанутая мать. У меня есть даже такие вещи как... фонарик, батарейки, сух паёк в машине, бензин - канистра, одеяло, спальник... я в принципе мало ношу украшений, но там есть мешочек, в мешочке золото, кольца, серьги. Если я попадаю в какую-то такую ситуацию и у меня отбирают все деньги, то я могу обменять на свободу. Ай, да, еще градусник. Точнее, три градусника.

Са: Так у тебя чемоданчик тревожный или пол багажника.

Ви: Нет, это чемоданчик. Из него восемьдесят процентов принадлежало Варе, а моих там процентов двадцать вещей. Ребенку я взяла праздничное платье, белую кофту, а себе одежду... ну вроде я реально в лес собралась, на шашлыки, что-то такое боевое, походное. Почему я так уверенно собралась бежать пешком, через лес, я не знаю. Вот именно вещи в которых я буду незаметной в лесу: переложить из чемодана в рюкзак, взять ребенка на руки и бежать. Откуда я это знала..?

Голос: (*тихо*) Вот он Бег – ваше вечное. Выжить. Любою ценою. Собрать все самое ценное и вперед - в неизвестное. Генетической памятью передан приказ на случай войны: Сохранение Рода!

Ви: И в пять утра звонит телефон. Подымаю трубку, а это мой психолог, которая из Луганска. Ей позвонили родители ее, которые остались там и уже привыкли - знают, когда стреляют в воздух для острстки, когда «к нам», «от нас» или мимо... и вот они звонят ей и говорят: "Таня, война началась".

Голос: (*громко*) А вот здесь постоим. Секунду. Сделаем паузу. (*тихо*) Этот последний миг, когда твои пальцы сжимают до максимума натянутый лук.

Пауза

Голос: Все, а теперь отпускаем.

Ви: Я положила трубку... и такая сразу в соц сети. И там ничего нет.

Све: Да ладно, сразу все было.

Ви: Ну у нас же разные ленты. У меня реально не было ничего. И я такая сонная, вялая начинаю собираться. И думаю, так холодно, так рано подымать

малую, мне так ее жалко... из Луганска до нас восемьсот с хером километров. Их же там пока остановят, пока они дойдут – две недели к нам могут идти. Я вот гляну посмотреть, как быстро едут машины. Едут – не едут? Все припаркованы у нас под домом, все нормально. Только одна машина быстро пролетает... Такая думаю: может спешит человек куда-то.

Све: (*саркастически*) В аэропорт...

Ви: А у меня пятнадцатый этаж и из окна видно как раз аэропорт. Я так поварачиваюсь и вижу ракета - Пуффф. Взрывная волна и я сажусь под подоконник. Почему-то. Я никогда не готовилась, но почему-то знаю, что стекло, осколки могут сильно поранить. Потом бросаюсь будить малую и в это время ещё один... я малую накрываю одеялом. За пятнадцать минут я ее собрала. Полностью. Выходим, а у меня в руках спереди рюкзак, сзади рюкзак, чемодан шестнадцать килограмм, Варя шестнадцать килограмм, еще коляска в сложенном виде... Потом уже я посчитала, что вес всех этих вещей превышал мой собственный! Нисколько не мешает скорости, по которой ты сбегашь по ступеням. С пятнадцатого этажа!

Голос: (*тихо*) Да, тут у нас все стабильно: вовремя сориентировалась, рванула и ясно, что выберется. Надо комплектовать следующий экипаж...

Ви: Да, а кошку я почему-то оставила дома. Думала, ну ладно, неделю побудет и потом я ее заберу. И еду я по трассе, ещё нет этой мега пробки, да, плотный поток, но я еще нормально еду. Выезжаю со своего района и... буквально через... в 5.45 я выехала из дома и в 6.00 я понимаю, что через неделю я точно не вернусь.

Голос: (*громко*) Следующий экипаж! Мариуполь, как слышно?! Яна!

3. Яна

Свет на Кри.

Кри: Я?

Голос: Ну ты же ее нашла. Тебе она доверилась. Да и по возрасту - сколько ей?

Кри: Двадцать семь. *(надевает очки, берет бумажку)* Ну там она очень подробно рассказывала, количество таких подробностей как бы не нужно...

Голос: *(тихо)* Это еще что такое?

Кри: *(читает)* Яна с мужем Мишей и годовалым ребенком жили в Приморском районе Мариуполя, недалеко от аэропорта. Миша работал в порту, Яна – в пекарне. 24-го февраля семья перебралась к родственникам в центр города, подальше от бомбежек...

Голос: *(громко)* Ты ебанутая? Что ты делаешь!

Кри: Ну, это... Яна. Ее рассказ...

Голос: Нет! Это пересказывание! Это вот именно то, что на этой войне не работает. Люди делают селфи и умирают в лайвстриме. Да это такая война, где полет каждой пули снимается разными ракурсами. И либо ты в этом живешь и чувствуешь жопой весь ужас... вот именно, чтобы мы чувствовали запах твоей мочи. И видели мокрое место на твоей мирной заднице.

Кри сидит вся красная. Снимает очки. Прячет бумажку.

Голос: Прости, это было грубо, но просто - не ожидал. Надо же: «жили-были»...

Пауза

Кри: *(подавленная)* Ни воды, ни еды, ничего не давали, света не было...

Голос: Воот. Нам нужна Яна, не ты.

Кри: А я как бы с маленьким ребёнком, я никуда не выходила, потому что, не дай Бог, со мной бы что-то случилось, ребёнок остался бы сиротой. И мы вот сидели и думали, что о нас все забыли. И почему тут бомбят просто без перерыва, именно в центре города? Постоянно танки - просто танк приезжал, посреди домов становился и вот пулял, пулял...

Голос: Стой! Это уже две недели. А куда делось начало?

Кри: В самом начале, когда начиналось это все...

Голос: Вот именно.

Кри: ...кто-то сказал, что есть зелёные коридоры. И там автобусы - собирают и вывозят людей. А потом эти автобусы просто обстреляли, то есть никакого не было зелёного коридора. Они все просто сгорели. Это было где-то 3-е марта...

Голос: Какое 3-е марта?! 24-го февраля вы переехали...

Кри: Ну да. Мы думали, что вот у нас же в 2014-ом, когда начиналась война, что так и будет - где-нибудь на окраине побомбят, ну в центр точно не пойдут. Ну не может же быть такое, чтобы прям город с лица земли могли стереть. Такого ну типо - двадцать первый век...

Голос: Что это за район? Скоро Анна подъедет, она тоже где-то там в центре...

Кри: «Штука». Центр, магазины. Ну потому что «Тысяча мелочей». Это магазин - он большой был, на весь дом.

Голос: А дом, в котором вы прятались?

Кри: Пятиэтажка. И там было шесть подъездов, мы были в третьем, посередине. Ну и как бы тихо поначалу было, бомбило, но не в центре. Даже весь подъезд выходил готовить кушать, то есть, на улице, на кострах. Все стояли, ну где-то там прилетит, они так раз - чуть ближе к дому станут. Даже не особо шугались. А вот потом началось такое - если до этого мангал на дороге стоял... и, получается, его перенесли прям вот чуть ли не в подъезд, чтоб, не дай Бог что, сразу забежать хотя бы в подъезд. Газа же не было. Второго связь и свет выключили, а третьего, по-моему, уже воду и газ. Слава Богу, что мой муж такой запасливый. Как только все началось, он сразу же поехал в магазин, купил много соков разных, и памперсов, детского питания... Он как бы и манки купил ребёнку, сгущенки три банки и я даже ребёнку варила манку на сгущённом молоке. Я вообще никогда не думала, что так можно делать, просто в воду обычную ложишь ложку сгущённого молока и потом манку, и она тогда варится. Просто на воде она не варится...

Голос: Насладились. Давай разгоняться.

Кри: 13-го марта, где-то было 2.30, я немного, Лёву, спать уложила и, началась вот эта бомбежка. Это такие взрывы были - я ребёнка вот так укрываю собой... А Миша был на дворе. Они, как обычно, там кушать готовили, и там ещё мужчина с дочкой стояли, ну там дочке лет восемь, не знаю. И этого мужчину и девочку сразу насмерть. А Мишу ранило. И, получается, когда его папа увидел, он не побежал его забирать, а к нам и начал кричать, что его ранило, я не знаю что мне делать, как его забирать - там бомбит. И потом он вышел, и соседи тоже повыходили и увидели, что тех уже насмерть, а Миша лежал ещё, даже улыбался. Ну то есть у него вот этот шок был, болевой. Он не чувствовал боли, но он просто улыбался как бы, кричал, что я всех люблю...

Голос: Да, это мы уже слышали. Следующий экипаж.

4. Анна

Свет на На.

Голос: На! Ты у нас будешь Анна... Мистическая. Предчувствия, сны - это ты.

Свет на Са.

Голос: Са! Ты у нас будешь Анна... Наивная. Все инфантильное, детство и прочее.

Свет на Све.

Голос: Све! Ты у нас Анна... Бесстрашная. Когда вот она сломя голову, а этого там будет много.

Свет на Ле.

Голос: Ле! Ты у нас будешь Анна... Угодай... Романтическая. Но это еще не значит, что я отдам тебе всю любовь. Любовь мы будем делить. Кто ее больше присвоит, тому и достанется Анна.

Свет на Кри и Ви.

Голос: Да, и не забывайте, что где-то по тем же дорогам пробираются Вишня и Яна. Возможно вы даже встретитесь. Но скорее всего разменетесь.

Пауза

Голос: Ну вот и все - в добрый путь. Теперь эта война ваша.

Яркий свет падает на На.

На: В детстве мне часто снился один и тот же сон. Вот из той серии - повторяющихся.

Са: *(перебивает)* А это разве не мое? Как бы детство...

На поднимает глаза на свет. Свет по-прежнему на ней.

На: Что я бегу по войной разбитому городу и кричу, кого-то зову... Но кого, я не понимаю. Этот кто-то всегда был без имени. А потом этот сон исчез. Я выросла и его долго не было. И вот буквально за неделю до нашего выезда он мне снова приснился. Только теперь я уже звала Мантаса. Я четко кричала: «Мантас». Перед тем как проснуться...

Свет на Са.

Са: Когда он меня стриг, это вот за день до выезда, вообще так было щекотно, мурашки по ногам, по всему телу. Интересно, что вот здесь *(прикасается к шее)* до сих пор чувствую его прикосновение.

Ле: Он очень любил мои волосы, всегда так аккуратно ко мне, так очень-очень...

Са: Мы так боялись друг друга дотронуться, чтобы друг другу больно не сделать.

Ле: Потому что я ещё такая больше эмоциональная, я могу его там, особенно, когда у меня ногти отрастают, случайно могу поцарапать. А он такой бывает: «Мимоза! Ай, ай, побила, побила» *(смеется)*.

Са: У нас было разное состояние. У нас была «мимоза», «ёж», там «кукушка», «куколка»...

Ле: Мантас иногда вот так ляжет - а мы очень любим такое хорошее постельное бельё, всегда покупали, вот чтоб оно белое было...

Са: И вот он так ляжет и говорит: «Ты моя принцесса, всё, я тебя жду». А я говорю: «Ты моя принцесса».

Ле: И когда на прощание, на похоронах в белых цветах лежал, я говорю: «Ты моя принцесса» *(улыбается в слезах)*.

На: Я как раз накануне... Мантас пошел спать, а я подругу нашу позвала, мы вышли на террасу курить и я говорю: «Хоуден, ты знаешь, ты Мантасу не говори, но я так боюсь. У меня чувство, что кто-то не вернётся».

Све: Такое было... И вот это ощущение, что вот, как говорят, кровь в жилах стыла, первый раз в жизни я это ощутила на себе. Вот я даже потом всю поездку, я чувствовала свою кровь, как она просто вот так вот стынет.

Са: Он очень хотел вернуться.

Све: Почти вернулся. Уехали вместе и приехали вместе.

Ле: Мы так друг друга любили. Я всё время, все пять лет не могла поверить, что такая любовь существует.

На: Как раз вот в феврале у нас была годовщина нашего знакомства - 20-го февраля. И как раз перед моей бабушки годовщиной смерти. И мой дядя пошёл на кладбище.

Са: Это вот в Кремменной, откуда я... в Луганской области.

На: Мне мама позвонила и говорит: ты знаешь, пошёл дядя на кладбище, на годовщину смерти бабушки, и говорит: там крест упал. И мне так – Вообще!

Са: Потому что я очень хорошо помню этот день. Мы только начали с Мантасом работать, а у меня бабушка умерла и я её хоронила.

На: Мне так страшно стало. Говорю: «Это очень плохой знак, что крест упал».

Све: Меня подруга спрашивала. Она не связана тоже с кино индустрией вообще, но там знакомые через знакомых искали актрису без опыта.

На: Кстати, как раз на роль Анны. То есть, я Анна и мой персонаж Анна...

Све: И вот она мне говорит: «Давай ты сходишь на кастинг!» Говорю: «Ты чё, Наташа, какой кастинг? Да вы знаете, что я не из тех девушек, которые там актрисой хотят стать или моделью какой-то». Ну там в детстве было, когда-то предложили, но я...

Са: ...я отказалась, не пошла. И вот она меня весь месяц упрашивает: сходи да сходи, и она мне уже так надоела: «всё, хорошо, я пойду». И я иду...

Ле: А нам сказали, что нас встретит женщина. Я жду женщину и заходит в дверь, ну как сейчас помню, Мантас. Ну, красивый мужчина, высокий зашёл. Мы ещё так поболтали, посидели, пошушукались. И потом зовут меня. Я ещё думаю, где та женщина, которая должна подойти? И мне говорят: это режиссёр. А я вообще, я понятия не имела, в жизни режиссеров не знала.

Све: И говорю: «Давайте вот так по честному, я не актриса, я вряд-ли вам подхожу, я вообще не знаю что надо делать». А он мне там что-то говорил, говорил и потом его фраза: «Ну я тоже не режиссёр. Я в Америке грузовик водил. Мы грузоперевозками занимались».

На: Ну и он начал рассказывать о проекте, я поняла, что я ничего не понимаю из того что он делает. А если вот что-то из области не понятного, мне это нравится.

Са: И так приезжала каждый день, смотрела, почему так много людей, что они все делают...

Све: Ещё съёмки нету, ещё только локации строятся.

Ле: Но когда Мантас подходил, меня всё время... ну это очень телесное ощущение, что меня всё время трясёт. Вот он где-то рядом и я дрожу.

На: И мне не холодно, я очень контроль фрикс, а здесь моё тело меня не слушается, меня всё время трясёт, я дрожу.

Ле: Ну конечно, он мне нравился. Он умный, красивый мужчина. И потом как-то он дал мне какой-то текст. А, «Исчезнувшие города».

На: Исчезнувшие города?!

Ле: Да, такая книга есть, сейчас не вспомню автора. Попросил меня выучить и мы сидели, он вот так на пол сел... Я ему рассказываю и он ртом как-то до колени дотронулся и я такая: как-будто разряд тока прошёл по мне.

Све: Говорит: «Пойдём сходим в киоск». Говорю: «Хорошо». Мы идем в киоск, говорю: «Зачем мы идём?»

Са: Нет, ну это вообще, это до сих пор, это уму не постижимо, пускай этого не будет...

Све: И он мне: «Пойдём за презервативами и сексом займёмся». Я такая: «Вот так?» И что тут ответить, ну нормальный человек такого не скажет женщине.

На: Ну я так посмотрела на него, говорю: «Ну давай».

Ле: То есть, вот это его какая-то: пробьёт или не пробьёт.

Са: В эту ночь я не осталась. Я не осталась и он мне сказал: «Ничего, ты у меня останешься». Ты, говорит, ещё у меня дома останешься, где я живу. Говорю: «Угу, посмотрим».

Ле: Но осталась потом.

Са: А в этот день я не осталась. Он говорит: «Ты что, уезжать будешь?» Я говорю: «Да, я не останусь здесь ночевать».

На: И он ночевал там один.

Ле: Когда начались съемочные дни, у меня были огромные такие каблуки и я подвернула ногу. Я сказала всем, что я немножко полежу, чтобы нога прошла. И Мантас тоже это слышал.

Све: И он меня буквально через две минуты зовёт на площадку. Я говорю: "У меня нога болит". "Нет, иди". И я иду, ну то есть...

На: То есть, ему нужно было даже не эмоция актера, а уже человеческая эмоция, уже физическая - будто это боль, будто это любовь.

Са: Есть кадр, там где я лежу, так смотрю. Мы были вдвоем, он это снимал.

Ле: Да, и я на него смотрела с любовью.

Свет на Кри

Кри: Я потом, мы когда уже шли, видела много осколков, но я думала это просто камни, кирпичи. То есть они вот такие, металл такой тяжёлый, что даже тяжело поднять вот такой кусочек. И ему вот полностью в бедро попало. Очень сильно разбило бедро. Две ноги тоже разбито и в кишечник. Соседи ему зашивали ноги, зашивали нитками, иголками, на живую. Меня же к нему не пускали, чтобы у меня молоко не пропало. А потом кто-то сказал, что он замерзает, надо его нести в квартиру. А он начал кричать, что нет, не надо, чтобы его никто не видел. Ну прямо в подъезде лежал. И вот его на одеяло переложили и занесли в квартиру. Накрыли одеялами, спальниками, все что у нас было. И мне сосед сказал, что у него в животе дырки, может ты пинцетом достанешь. А я на него смотрю и говорю, я понимаю, что желательнее достать, но я просто как только бы глянула, я бы в обморок упала. Я боялась просто полезть в эти дырки и зацепить что-то другое, не дай Бог, сделать хуже. Вот получается, он лежал... и к вечеру где-то в часов восемь начал болевой шок сходить. И вот это реально было самое страшное. Когда он уже начал чувствовать боль. И ему не помогали никакие обезболивающие.

Ле: Потом мы поехали в Афины, у нас были съёмки в Афинах и Мантас поехал на машине и я спросила: «А можно я не полечу как все, а поеду с тобой?» И он такой: «Нет, нет, нет».

На: Ну конечно, он уже сразу решил, что я с ним поеду.

Све: Да, мы получается отсняли в Афинах, и потом Мантас ехал в Уганду снимать.

Са: И мы сели вот как раз тогда и говорили, как мы себе это представляем?

На: Он говорит: «У меня тоже никогда денег нету, ну как-то будем жить, если ты на это согласна?» Говорю: «Да мне тоже как-то ничего не надо». Всё что мне надо это книги, ну и там двое носков, джинсы и всё.

Ле: Мы даже проговаривали, ещё перед войной, шли от нашего друга и он говорит: «Я уже всё, я уже бывал на войне, я уже не поеду, вот если что-то произойдёт. Я хочу с тобой детей в Калифорнии воспитывать, а потом мы приедем в Афины».

Са: И когда уже 3-го марта я начала открывать сообщения и меня поздравляли с днём рождения, а все сидят в подвалах, потому что бомбят. И меня так прям струсило.

Све: Мантас пошел уже в кровать и новости читал. И он мне пишет смску: «зайди». И я прихожу...

На: Но я уже знала, что он мне скажет.

Све: Я захожу и он говорит: «Ты не ругайся, но я в Мариуполь хочу ехать».

Са: Я, говорит, сначала думал перемонтировать старую версию «Мариуполя»...

Ле: В пятнадцатом году он же снял фильм «Мариуполь». Когда война еще только начиналась...

Са: И вот говорит: «Я пытался, туда сюда переставлял эти кадры, хотел как-то под сейчас перемонтировать. Но всё же понимаю, что не перемонтируешь, нужно ехать».

На: Он читал новости о Мариуполе, и последняя новость, что Мариуполь в блокаде находится, что там бомбят.

Са: И он говорит: «Я ведь знаю, что там люди живые есть».

На: «Люди, которых я знаю».

Ле: Я ему сказала, что я с тобой, мы едем вместе, это не обсуждается.

На: Не было ни единого... когда бывает что-то скажешь, и вот уже начинаешь это делать, но появляются сомнения на метафизическом уровне...

Све: Я очень внимательно смотрела, появится ли? Ни доли секунды, вообще никакого сомнения.

Са: Даже будучи там, будучи под бомбежкой, мы говорили, как хорошо, что мы приехали. Когда уже посадили всех возле этого окна и Мантас сел на прострел, а российские солдаты поставили пулеметы с окон. Вот они с окон стреляют, сейчас прилетит...

Ле: И я говорю: «Мантас, я так боюсь за тебя, я так боюсь за тебя...» А он говорит: «Почему ты боишься?» Я говорю: «Я боюсь, что тебя кто-то заберёт у меня.» Он говорит: «**Кроме тебя, меня у тебя никто не заберёт**».

На: «**Кроме тебя самой**».

5. А капелла

Кри: Соседи нам дали ампулы, именно обезболивающие. Мы ему укололи, а оно просто не действовало, ну он просто продолжал орать. Продолжал лежать, плакать, кричать от боли. Ну то есть, это такая была боль.

Са: Мы чувствовали, что мы нужны людям. Ну если никто не будет ехать...

Све: Но кто-то же должен ехать... если никто не поедет, то что ж?

Ви: Приезжаем мы в село, а это село бывшего мужа и его родителей, там нет блядь даже отделения почты, настолько там глубокое дно. И мы там неделю живем, я тихонько сношу в погреб рюкзак с сух пайком, одеяла...

Кри: Когда его занесли в зал, я ещё возле него сидела. Малой рядом бегал, ну ему годик, он не понимает, что происходит. Я просто возле него сидела и все. А потом мы пошли спать, ну мы в коридоре, получается, спали, а он в зале лежал...

Ви: И, значит, ночью все в доме спят: бабушки, дедушки храпят и вдруг дом начинает дрожать. Я слышу взрыв и накрываю одеялом Варю с головой.

Кри: А на утро уже папа его говорит: нет, я пойду искать, чтобы кто-то его отвёз в больницу. И сосед всё-таки согласился. Было же страшно везти, потому что можно было просто не доехать, всей машиной попасть под обстрел...

Ви: И я принимаю решение, что нихрена я тут не останусь.

Кри: Когда его выносили, мы поцеловались - обнять же ж даже было невозможно - я к нему просто легла и честно я... я не хотела ни вставать, ничего, я просто хотела с ним лежать. Постоянно. Я понимаю, что у меня ребёнок тут бегаёт, возле нас, а тут бомбежка идёт за окном, и мне просто страшно было, что щяс блин прилетит - и меня, и ребёнка... я поэтому вот так возле него полежу, полежу - раз побегу в коридор. Опять к нему подойду, поглажу его, поцелую - опять в коридор убегаю. И ребёнка вот так к нему, Леву, так приложила, он его поцеловал... и все, и его забрали. Лёва ему помахал «пока!». И все.

Све: И мы решили, что мы через Литву летим.

На: Потом с Литвы на автобусе на Польшу, на Львов и со Львова...

Ле: Во Львове были 14-го, получается.

Кри: И его, получается, рано утром 14-го... на пледе забрали, перенесли в эту машину...

Са: Нам Ира, которая журналист с Мариуполя, она дала нам машину, чтобы мы вывезли её родственников.

На: Но нам не удалось.

Кри: Именно вот с этого 14-го нас начали бомбить просто, блин, каждый день. Вот с утра ты просыпаешься и слышишь эти прилеты. В коридоре сидишь, ребёнок постоянно орет, потому что ну взрывы, он боится, страшно. Ему страшно, блин, нам страшно.

Ви: Ехали до границы четверо суток. Очень много автомобилей, просто безумный поток. Москвичи, жигули, которые глохнут, у них отпадают колеса, потому что эта машина стояла где-то у дедушки в гараже и гнила.

Све: Мы доехали до Днепра, в Днепре провели четыре дня...

Кри: Грубо говоря, блин, сидели и ждали смерти.

Ле: И когда уже начали подъезжать к Мариуполю, на подъезде в Орехово нас не выпустили.

На: Потому что трасса горела.

Кри: Я видела дома напротив, которые просто сгоревшие были. Девятиэтажка сгоревшая вся сбоку и напротив пятиэтажный дом, тоже сгоревший весь.

Са: Нас остановили, все машины заставили поставить бампер к бамперу.

Све: Сказали не выходить, не включать печку, не прогревать, фары не включать, просто вот сидеть как сидите.

Кри: Мы там ещё десять дней пробыли. Даже чуть больше – тринадцать. Каждый день был одинаковый.

Са: Я потом пол ночи стерегла, пока Мантас спит...

Ле: А потом Мантас меня сторожил. Пока я спала.

Кри: То есть, ты просыпаешься, ну бомбят-бомбят, ну все равно у тебя есть задача накормить ребёнка, себя накормить. Тот же чайник на костре поставить, чтобы как-то кипяток был.

На: Мантасу снился сон в ту ночь, что стрелки часов идут обратно.

Кри: Поэтому я ж говорю, эти тринадцать дней были просто одинаковые.

Ле: И потом как-то где-то уже в Мариуполе...

Све: Не могу *recall my memory*, но где-то в Мариуполе...

Са: Потому что там все часы в основном уже остановились.

Све: Но вот у меня есть память, что они шли, что я их видела...

На: И они шли обратно.

6. Мариуполь

Са: Я в Мариуполе никогда не была перед этим, в детстве мы всегда в Бердянске отдыхали.

Све: И на подъезде в Мариуполь, перед Мангушем, я смотрю и вот небо - стена просто чёрного дыма.

Са: И я Мантасу говорю: «А это что там?».

На: А он говорит: «Это Мариуполь».

Ле: И уже всё. Когда смотришь, эти бабушки, которых везут в садовых тачках, которые не могут идти. Люди идут пешком, машины без стёкол...

Са: Лежат трупы, все провода снесённые...

Све: Мы когда ехали, мы на три недели собирались и я Мантасу сказала, когда мы уже ночевали в доме молитвы, в подвале, говорю: «Мантас, если мы неделю здесь пробудем и нас не убьют, считай нам повезло.»

Са: И он: «Зачем ты так говоришь, ты мне тоже настроение создаёшь, вот ты тогда решение мне какое-то скажи, мы разворачиваемся завтра и уезжаем или что, что ты хочешь этим сказать?»

На: Я говорю: «Не знаю, у меня только чувство есть пока».

Са: «Ну вот когда узнаешь, тогда и говори».

Све: Ты изолирован. Ты не знаешь, что у тебя на соседней улице происходит.

На: Ты не знаешь.

Ле: Ты находишься под бомбежкой, по твоей улице танки ходят, мины - тебя заминировали... да, потом разминировали.

Све: Разминировали как: танк встал чуть-чуть по-дальше, начал палить в эти мины, мины взорвались, дом потрусился - тебя разминировали.

Ле: Ну и куда идти? Там ни радио, ничего.

Са: Перед нашим приездом люди говорили: «О нас вообще - о нас забыли».

Ле: Мантас говорит: «Да нет, весь мир о вас говорит».

Са: «Нет, о нас забыли, о нас никто не помнит. Мы здесь сидим, у нас ни связи нет, ничего, нас бросили».

Ле: И мы: «Нет, вас не бросили, вот мы здесь хотя бы...»

На: И это так страшно.

Све: Мы сначала заехали с вот этой колонной. Но уже вот в самом Мариуполе из восьмидесяти машин осталось две. Ведущий колонной и мы.

Ле: Остальные разъехались в прилегающие села, поселки...

Све: И он хотел на драмтеатр ехать.

На: А драмтеатр взорвали, когда мы были в Днепре.

Све: Но он всё равно хотел в драмтеатр, говорил, его конечная точка там.

Са: Но когда мы въехали в Мариуполь, остановились возле кинотеатра какого-то. И люди все просто без жизни.

Ле: Вот в мирное время подумали бы наркоманы или ещё что-то.

На: Людям смотришь в глаза и человек вроде бы как есть, но его нет.

Све: И тот водитель спросил у местного, как проехать...

Са: Но тот говорит: «Мы не едем на драмтеатр». Мы туда не проедем.

Ле: И второе место это дом молитвы был.

На: И мы решили остаться там.

Са: Там были люди, как убежище...

Ле: Подвал.

Са: И мы думали, что может завтра на драмтеатр поедем.

На: Но этого завтра не наступило.

Ле: Потому что этот район близко к Азовстали, и там было каждый день...

На: Не то что каждый день - там один день за три.

Све: До обеда у тебя одно, после обеда у тебя российские солдаты, вечером ещё что-то случилось, и думаешь, дай бог ночь переживём.

Са: Мантас на следующий день спросил у главного в церкви, может ли он снимать, и тот согласился.

Ле: Да, вот так выскочил на пять минут, что-то поснимал там, с окна или как-то...

На: Вот там, например, человек застрявший в крыше лежит.

Ле: Вот он там так застрял и лежит.

Све: У другого соседа была похожая ситуация, только у него пол соседа - его через три дома принесло половину тела взрывной волной. Пролежал он три дня на крыше, этот не мог его скинуть.

Са: Потом в период времени, когда немного тише было, он залез на крышу, палкой его скинул, погрузил на содовую тачку и отвез через три дома.

Ле: Вода - в колодце. Ну тоже люди идут за водой и собирают, тех кто не смог набрать...

На: Тела отодвигают, тех кого у колодца убило.

Са: Это же осколки летят, это не обязательно, что в тебя прямо стреляют.

Све: Мы когда только приехали, в четырнадцатипэтажку попало, ну там рядом. И они когда прибежали, говорят: «Мы выбрались как-то, а там люди с квартир кричат, они заживо сгорели, кто повыпрыгивал просто, повыбрасывался».

Ле: С другой стороны там тоже бабушки лежат сгоревшие все.

На: И днём Мантас говорит: «Такое чувство, что надо как-то ехать».

Ле: А мы там уже неделю сидим.

На: Что никогда не было этого чувства, а теперь есть.

Све: Но пока мы перепаковали свои рюкзаки, пришли солдаты российские и забрали машину.

Са: Я говорю: «Как! Тут же дети, старики, как уезжать мне?»

На: Говорит: «Уедешь, когда война закончится.»

Ле: Ну вот всё такое - всё меняется быстро.

Све: Мы решили, раз забрали машину, будем идти пешком тогда.

На: И здесь на следующий день приезжает ведущий колонны.

Са: И он говорит: «Во, а где машина?» Ну рассказали всё.

Ле: И мы решили, что едем с ним.

На: Он тоже пересидел где-то, потому что очень сильно бомбили.

Све: Всё, собрались, забрали девочку с отцом, у неё маму убило.

Са: Ну, не убило, а мама готовила в кухне курицу, в коридоре девочка стояла, прилетел снаряд и всё - маму просто засыпало...

Све: Убило на её глазах.

Са: А папа вообще после инсульта. Пол стороны парализовано.

На: Ну вот мы их забрали. Они когда пришли к нам, мы с Мантасом пообещали, что мы их заберём.

Са: А водитель не рассчитывал забирать ещё и с этого места людей.

Ле: Он говорит, остаемся у моей матери, в другом районе, а на следующий день я дособеру людей и мы уедем.

7. Кошка

Кри: Ну у меня молоко не пропало. Слава Богу, блин, я не знаю - это какая-то наверное защитная реакция. У меня вот реально как сработал какой-то блок - я поплакала один день и потом я понимаю, что мне надо жить.

Ви: Первую неделю я не могла плакать вообще. Ну вот очень хотелось, но ты не можешь. Как будто если ты расслабишься, что-то произойдет.

Кри: Мне надо ребёнка отсюда достать во-первых и дальше надо бежать подальше.

Ви: Поэтому ты плакать не можешь.

Кри: Я поплачу потом, потом буду горевать, но сейчас именно тот момент, мне надо просто отсюда выбираться.

Ви: А мы же ехали не по трассе, а через села, в объезд, и машина уже так тарахтела: «бух-бух, хран-хран, хань-хань-хань» - и ты думаешь: щяс отвалится колесо и... я подумую: «странно, что за колесо?» А это мое. И я делаю музыку погромче, мол, ничего не происходит. А там еще бабушка с Варей - они реально ябедничали друг на друга. Бабушка доела последнюю конфету, Варя устроила истерику по этому поводу.

Са: А можно уточняющий вопрос? Откуда появилась твоя мама? Или мы где-то пропустили?

Ви: Ооо, так я просто об этом не сказала. Она из Киева появилась. Я когда из города выехала и поняла, что за кошкой я не вернусь...

Са: То есть, вы в село поехали вместе с мамой?

Ви: Нет, мама была в другом конце Киева. Я позвонила бывшему, говорю, привези мне кошку в село. Потому что убедить его, что война – нереально. Говорит: «Ой хули - это ты паникуешь». Говорю: «Я видела РАКЕТУ!» «Ааа... это ты не проснулась, может это был фейерверк?» Говорю: «Фейерверк снизу вверх, а это сверху вниз. Значит так, блядь! Ты берешь щяс кошку, мою маму и выезжаешь в село. Берешь кошку и маму и едешь!»

Све: А я так переживала все время за кошку.

Са: Ой, и я тоже, как ее бросили...

Ле: И я волновалась, Боже мой...

Све: Думаю, спрошу потом...

Ви: Нет, я не тварь, я ее не бросила.

Кри: Я тоже о ней думала.

Все смеются.

Ви: Моя кошка... которой к этому моменту было шесть лет... была, простите, девственницей. Так вот, в селе она наладила личную жизнь.

На: У нее все сложилось?

Ви: У нее ВСЕ сложилось! Лучше чем у меня. Вот она просто (*изображает кошку, у которой все сложилось*)...

Све: И чё - кавалера нашла?

Ви: Четверых!

Все смеются.

Са: Она там осталась?

Ви: Она осталась в селе. Она там, значит, в отличии от всех остальных четырех котов спит в доме. Всем остальным не разрешают, а она такая (*изображает кошку секс-королеву*)... ну че, мальчики, кто там следующий? Она ж городская. Телочка...

На сцене резко меняется свет – с уютно желтого на ярко красный.

8. Мариуполь-2

На: А на войне нельзя так. Вот уже отпустил чуть-чуть, и всё. И тогда это всё случается.

Све: Когда мы приехали к матери... этого вот водителя...

Ле: Это было уже, получается, 26-го.

Са: Ну там было значительно тише.

Све: И как-то мы уже даже во дворе покурить могли.

Са: И даже было ощущение, что уже уехали.

На: А надо было дождаться, пока уедем.

Кри: Нас дальше бомбили. И вот числа, наверное, 25-го марта прилетел снаряд, прям в подъездную дверь. Там полностью ее, я не знаю, как будто бы и не было. Там крыльцо полностью упало, ступеньки полностью разбились, окна повывлетали в подъезде с рамой...

На: И на следующее утро...

Ле: Просыпались ведь рано там.

На: Я проснулась, Мантас уже встал кофе пить, а я лежала ещё в спальнике на полу.

Са: И я слышу, водитель с Мантасом разговаривают.

Све: Он говорит Мантасу: «Пошли со мной, я на бусике не поеду людей собирать, потому что автобус - большая мишень.»

Ле: А он Мариупольский был.

Све: «Походим по знакомым, может у кого машина есть, легковушка, возьмем, соберем людей, пересадим и уедем тогда».

Кри: И у нас в этот день повывлетали межкомнатные двери. Вот мы сидели в коридоре, и дверь, которая в комнату выходила, она просто упала на нас.

Са: И Мантас приходит ко мне и говорит: «Можно, я бумажку от вафельки спрячу, под этот...»

Ле: А мы ночью тушенку под спальником ели. Говорю: прячь.

Са: Он не знал, где выбросить, там еще кусочек от вафельки был.

Све: Я говорю: «Давай я с тобой пойду».

Ле: А он говорит: «Ну чё ты пойдешь, не иди».

На: Вот и всё.

Кри: А на следующий день прилетело в крышу. У нас там пенсионеры жили, и они говорят, вот мы когда зашли в комнату, а там просто небо видно.

Са: Я его ещё попросила...

Ле: Окликнула, говорю: «Накрой мне ножки, пожалуйста, моей курткой».

Са: Он мне ноги укрыв, поцеловал меня и ушел...

Све: Потом возвращается и говорит: «Дай мне свой айфон».

Са: Я говорю: «Да, конечно.»

Ле: И вот так с курточки, с кармана отдала и всё.

На: Больше я его не видела.

Кри: Поэтому вот когда это все произошло, мы, получается, вот 27-го числа решили убежать.

На: Уже в обед я начала беспокоиться.

Ле: Это было 27-го...

На: Уже смотрю, время идёт.

Све: Но всё равно, думаю, этот вот мужчина - он Мариупольский.

Са: Тем более, Мантас - очень аккуратный.

Кри: Где-то в 11.30 мы пошли с другими людьми с нашего подъезда: там бабушка, дедушка были, ну старики уже. У меня бабушка, ей восемьдесят два, она с палочкой бежала.

На: Уже после обеда, смотрю. Как-то время идёт...

Све: Слышала, что в сторону порта они должны были идти. Где этот порт?

Ле: Район это или порт, тоже не знаешь.

Са: Вышла на соседнюю улицу, смотрю, может идут откуда-то.

Кри: Ну то что было на улице - это ужас. Провода валяются, кирпичи везде, людей нет, ничего нет. На остановке, прямо на остановке трупы лежали, просто накрытые тряпочкой. У нас там проспект Мира, главная улица, над ней вот такие прямо девятиэтажки стоят - вот они все сгоревшие были. Внизу магазины тоже сгоревшие. Там площадь у нас «Обжора» - это как торговый центр, получается, он тоже сгоревший. Возле него кафешки - «Папа гриль», «Арома кава», ну то есть фастфуд, шаурма: все они были сгоревшие...

На: И утром слышу: стук в ворота.

Све: Я выбегаю, и люди заходят, водитель стоит.

Ле: Я оглядываюсь, говорю: «Где Мантас?»

Са: «Мантаса нет, не оглядывайся».

Ле: Я говорю: «Как нету?»

Са: Он говорит: «Нас взяли в плен и мы просидели всю ночь на передовой, в двухэтажном здании, там велся обстрел».

Кри: А мне же мало, ну Лёву, ребёнка моего, получается, пледом привязали ко мне... вот так спереду (*показывает*)... я его двумя руками держала и рюкзак ещё сзади.

Са: И вот его отпустили, а Мантаса не отпустили

Све: Должен был приехать какой-то начальник там или что-то такое.

На: Ничего не ясно, где, что, куда... Куда бежать?

Са: Он: «Всё, я уезжаю».

Ле: Очень склочённо, неразборчиво говорил, никакого адреса, ничего...

Све: Единственное, упомянул какой-то позывной одного из солдат, который услышал.

Са: И указал, что это район детской поликлиники.

Кри: Ну получается, вот мы идём, и просто Мишин папа кричит: «Беги!» Потому что началась какая-то перестрелка.

На: И он: «Всё, я уезжаю, никого брать не буду».

Са: Я говорю: «пожалуйста, хотя бы ребёнка с отцом возьмите.»

Ле: Потому что он не хотел.

Све: Спросила, куда бежать...

Кри: И я вот бегу, блин, с ним, смотрю на маму - мама еле идёт, бабушка еле идёт... Они медленно шли, блин, это было так страшно...

Све: Его мать нарисовала главные эти улицы.

На: И потом чуть-чуть провела меня до кладбища и указала рукой, где эта поликлиника может быть.

Кри: И я вот убежала.

Са: Я побежала туда.

Кри: Забежала в какой-то подъезд.

Ле: Но там не эта улица на которую указали.

Кри: Ну не подъезд, а просто какое-то помещение.

На: Там их штабы.

Кри: Я стала возле стенки, стояла и их ждала... И как бы выглядывала...

9. Бешеный Стакато

Все Анны ставят перед собой пюпитры (подставки для нот) с текстом. Быстрая музыка.

Све: Говорю, так и так: «есть ли у вас задержанные или плененные?»

Са: Мне говорят: «Приходите после обеда».

На: Я дальше прошла. Там спрашиваю у солдат, но никто ничего не знает.

Ле: Ну тоже нет уверенности, что я в правильном месте.

Са: Потому что улицу он сказал, возле Ливаневского, а нет даже названия такого.

Ле: Есть Проспект Мира.

Све: Кто-то из солдат посоветовал пойти на семнадцатый район в больницу.

Ле: Что может туда отвезли.

На: Я пошла туда, там ничего нету.

Са: По пути встретила бабушку.

Ле: Она довела меня, говорит: «вот - это здесь».

На: А эта улица - это фронтовая линия уже.

Све: И я так сворачиваю и понимаю, что я там вообще одна.

Ле: И обстрел. Ну ты просто не можешь пройти.

Са: Это главная дорога, но негде идти.

Ле: Там деревья лежат.

Све: И я так зашла через двор, и первый раз украинских солдат увидела живых.

На: А на следующий день двоих мертвых видела.

Ле: Там человек пять... они как-то забегают, отстреливаются.

Са: Я зашла в подъезд, за дверь, подождала, потом выглянула...

Све: И я понимаю, я не могу с ними ни говорить, ни спрашивать о помощи.

На: Мантаса ни эти взяли.

Переворачивают страницу.

Са: И я так вышла, говорю: «От туда не стреляют?»

Све: Они: «нет».

Са: И я так дальше прохожу...

Ле: Буквально пару подъездов.

На: То есть, там - фронтовая линия.

Са: И я бегу, получается, через...

Ле: Ну, там дворы закончились и я вышла обратно на главную улицу.

Са: И слышу, автоматная очередь просто летит.

Све: И я оглядываюсь, где вообще может быть двухэтажное здание?

На: Потому что их там нет.

Са: Там либо девятиэтажки, но не двухэтажные.

На: Нету двухэтажек.

Све: И я забегаю...

Са: А там ДНРовские солдаты.

Ле: И они просто с чашкой кофе в руках были.

На: И они оторопели.

Све: Говорит: «Ты что, дура, ты откуда взялась здесь, мы просто... вот рука была на затворе, мы просто расстреляли бы тебя.»

Са: Я говорю: «Можно я от автоматных очередей у вас спрячусь?»

Све: Он говорит: «Нет нельзя, но ты уже здесь».

Са: И я так оглядываюсь, говорю: «У вас здание двухэтажное?»

Све: Он говорит: «Ну, вроде бы двухэтажное».

Са: Я говорю: «У вас нет там плененных, задержанных?»

Све: Он: «Нет у нас никого, спроси в шестнадцатипятиэтажке напротив».

Переворачивают страницу.

На: Их солдат меня через дорогу перевел.

Ле: Ну как перевёл, пробежали, а там я уже дальше одна.

Све: К другим свернула, а он говорит: «Не подходи!»

Са: Я говорю: «Я - гражданская».

Све: «Не подходи, я тебя расстреляю. Иди нахуй от сюда».

Са: Перебегаю в шестнадцатипятиэтажку, спрашиваю, есть ли плененные?

На: Говорит: «У нас там один Азовец есть, или типа там старые, нету.»

Ле: И получается, я пробежала через всю фронттовую линию.

Са: И как раз вот выхожу от куда я начала.

На: И эта «нива» уже стояла там, начальник их штаба.

Све: Тоже самое говорю: так и так, может задержали?

Ле: И говорю, знаю, что позывное есть: такой-то и такой-то.

На: Он говорит: «Это мой солдат».

Са: Я обрадовалась, говорю: «Ну так вы спросите у него, мне сказали Мантаса он задержал».

На: Он говорит: «Он просто солдат».

Све: «Он бегают на передовой и стреляет, как я тебе его спрошу».

Ле: И потом я опять обходила...

На: Я уже всех опросила.

Са: Я кручусь там, в этом месте, не знаю куда идти.

На: Всё сходится здесь.

Переворачивают страницу.

Све: Я говорю: «Хорошо, но вот если пленяют, какая процедура у вас?»

На: Он говорит: «Я не знаю».

Све: Так давайте тогда, логично будет: я странная, я у вас уже третий раз в день, хожу одна, да с Луганским паспортом.

Ле: С Луганской пропиской.

Све: Мой город находится под Украиной, я ищу литовца.

Са: Так задержите меня.

Све: Логично будет, что нас в одно место направят, если вы не знаете.

На: Он так заулыбался, говорит...

Резко прекращается музыка

На: «Ну вот иди, от куда ты пришла, с передовой, подымай руки, тебя мои солдаты изнасилуют, мы скажем, что украинцы, обратно тебя ко мне приведут, а я не хочу этот грех на душу брать, я людям хочу помочь».

Снова музыка, темп.

Са: И вот эти бесконечные поиски. С одного узнаю, где-то что-то...

Све: Прихожу обратно на Мира.

Ле: Там если этого начальника нету, всё равно у всех солдат спрашиваю.

Све: Они же тоже меняются.

Са: Кто вообще не говорит ничего.

На: Они просто сами не знают.

Све: Потом идешь через пол города на семнадцатый район.

Ле: Потом опять возвращаешься.

На: Потому что я знаю, что этот начальник...

Са: Что он что-то...

Переворачивают страницу.

На: И вот так пять дней.

Све: Возвращалась к водителя маме.

Са: Потом от неё шла обратно.

Ле: Туда - на Мира.

Са: С Мира шла обратно.

Све: Фотографии уже раздавала, и вот писала.

На: «Я Белоброва Анна Александровна, ищу мужа Мантаса Квядаравичуса, был задержан в районе детской поликлиники, по улице...»

Ле: Солдатам, людям, начальникам...

Са: А этот же начальник тогда мне и сказал...

На: «Твой муж погиб».

Пауза

Са: Я говорю: «Как погиб? Так тогда его отпустили или как?»

Све: Он говорит: «Ну, в смысле, гражданского в синей куртке видели на передовой, мёртвого».

Са: Я говорю: «Подождите, так мне тогда надо на опознание тела прийти?»

Све: Он говорит: «Ну, сегодня не иди, потому что бои, приходи завтра.»

Ле: То есть, вот я 30-го числа возвращалась к водителю матери...

На: И поворачивает машина, я смотрю на номера - этот начальник.

Са: Я подбегаю: «Что-то вам удалось узнать?»

На: И он мне вот это вот говорит.

Све: И этот ледящий его взгляд...

Са: И эта уверенность...

На: «Твой муж погиб».

Ле: Не моргая.

Переворачивают страницу.

Све: Я на следующий день прихожу, там у них даже этого начальника не было.

Ле: 31-го, да.

На: Потому что бой шел, и солдаты говорят: «Мы своих не можем забрать».

Са: Когда 1-го числа я пришла, всё равно, смотрю: бои ещё,

Ле: Но опять же пошла в семнадцатый район в больницу.

Са: Всё равно продолжала искать. Я там еще узнала...

Ле: Накануне узнала, что в Володарске подвалы есть.

Све: Какие-то для задержанных, с которыми уже проводят работы.

Са: А в церкви велосипед был.

Ле: Думала, может взять и в Володарск с этим велосипедом.

Са: Там тридцать что-ли километров...

Ле: Что-то такое.

На: Ну вот такое все в голове.

Све: Думаю, велосипед брать не буду, может как-то военные довезут.

На: И подъезжает эта «нива».

Ле: Это 1-го вот числа.

На: И я не понимаю...

Све: Потому что я уже собираюсь на Володарск.

Са: У меня план искать среди живых.

На: Ну, оно чувство есть, но я его отбрасываю, и ищу среди живых.

Ле: Хочу искать среди живых.

Све: И смотрю, «нива» эта...

Переворачивают страницу.

Са: Но там не начальник, а его водитель, и с кем-то...

Ле: Рядом кто-то сидит.

Све: Он говорит: «Садись.»

Са: И я даже не понимаю, куда я еду.

Ле: Не сразу сообразила.

На: Мы проезжаем фронттовую линию.

Све: Ну это - улицу ты переезжаешь.

На: И они так сворачивают где девятиэтажка.

Са: Я на заднем сидение сажу за водителем.

Све: И я смотрю, с бокового окна...

Ле: Вот ещё в далеке...

На: Мантас лежит.

Пауза

Све: А он проезжает быстро.

Са: И у меня всё как в замедленном видео.

Ле: Я вот так вот смотрю...

Све: И начинаю его бить.

Са: Говорю: «Тормози машину!»

Ле: Я выбегаю...

Све: И там Слава, начальник, сидит на стуле возле подъезда.

На: И так: «Чё, твой?»

Переворачивают страницу.

На: Он знал... то есть он даже...

Ле: Я вырываюсь, а он солдату махнул, чтоб солдат меня за локоть держал.

Са: Я бегу туда, а меня солдат держит.

Ле: Я его даже обнять не смогла.

Све: Солдат меня держит, говорит: «Девушка не подходите, потому что тело может быть заминировано.»

Ле: То есть он меня за локоть так обратно к этому Славе.

Са: А он говорит: «Ну, гражданской помогите, там куда ей надо, Володарский есть морг, там, в Донецке, решишь куда, распоряжение дал, заберёшь, погрузите его там.»

На: Он знал даже где он лежал.

Кри: И мы пошли потом на эту больницу, и там вот всё-таки были эти эвакуационные автобусы. Ну там столько было людей - и с детьми, и с собаками, и с котами, и с попугаями. И там, блин, уже ж был ДНР. Они давали гуманитарную эту помощь, типо. Просто честно, я вот в шоке была, ну получается, мы ж только выбежали с этой бомбежки, и они мне дают бананы и воду.

Ви: Я очень хотела или бухать, или кофе. Ну вот серьезно, не знала чего я больше хочу. И я приезжаю туда, а мне говорят: «Мы адвентисты седьмого дня. У нас запрещено курить, кофе и алкоголь».

Кри: Я хотела просто им в лицо плюнуть. Ну вы б лучше сюда не приходили. Ну серьезно, зачем вы пришли, разбили весь город, а сейчас даёте бананы людям?

Ви: А в Румынии дороги... *(изображает серпантины)* это херня вот такая! Вот как спагетти сварила и выбросила на стол. И он мчится восемьдесят км в час. И у меня уже край дороги, я блять вот так веду машину *(упирается в условное переднее стекло)*, четвертые сутки без сна - Я ЕЕЕДУУ! Ночь, твои фары освещают только какой-то участок: *(изгибается)* сука, лес, снова лес, обрыв, обрыв!

Све: Мы когда ехали...

Ле: Уже по территории России.

Све: Мне Ира звонит наша.

Ле: Что машину нам давала.

Све: Она говорит: «А ты на переднем сиденье сидишь там или как?»

Ле: «Ты вообще сидишь, как ты едешь?»

Са: И я говорю: «Нет, я рядом с Мантасом».

Све: Она говорит: «Подожди, ты одна и с гробом?»

Ле: «Ты одна?»

Кри: Блин, я просто выхожу с этого автобуса, а там в Бердянске спокойная жизнь. Там люди ходят, магазины работают, автобусы ездят. А я так смотрю: «В смысле?» Там, говорю, в Мариуполе творится же ад. А они на меня смотрят, они даже не понимают: «А вы с Мариуполя? А там бомбят?» Я говорю: «Да там трупы лежат на дорогах, там все дома погорали!»

Са: И меня так возмутили эти её слова «ты одна?»»

Ле: Она так испуганно.

На: Говорю: «Ира, как я одна, я не одна, я с Мантасом».

Ви: Из Румынии я ехала восемнадцать часов в Будапешт. Когда я приехала туда, я должна была переночевать одну ночь и ехать дальше, но... я решила, что Все. Можно не убегать. Можно выдохнуть и... поспать.

Кри: А я просто сижу на этой остановке. У меня шок. Ко мне люди подходят: «вам чем-то помочь?», там это... Я говорю, я не понимаю, мы только, ну как... Я месяц не мылась. Как у вас, говорю, так тихо?

На: У меня первое такое болезненное...

Све: Я почувствовала первый удар такой...

На: Когда на прощание его увезли.

Ле: Ну вот когда уже в крематорий...

Са: Потому что, я первый раз...

Све: Ну то есть, было... когда я его искала, не знала, где он.

Ле: Но потом я ведь с ним не расставалась.

На: Всё равно у нас была какая-то телесная коммуникация всё время.

Све: И когда уже были в Литве, у озера остановились.

Са: И я все вещи достала из пакета.

Ле: Которые на Мантасе были.

На: И в одной из его кофт был кусок кости с руки.

Ле: Вот такой вот кусочек, небольшой.

Све: Я его отдала криминалистам.

На: Но надеюсь забрать.

Са: Если не выбросили ещё.

На: Единственная уцелевшая его часть.

Ви: А самое интересное, что я на этот новый год загадала всего там, прям список сделала: хочу проехаться за рулем по Европе, встретить много хороших людей в интересных местах, провести больше времени с Варей, принять участие в театральном проекте, который для меня стал бы вызовом...

Са: Вообще интересно было, когда в морге - у него один глаз закрыт был.

Ле: Это еще в Донецке.

Све: *(показывает на себе)* Здесь челюсть сломана была...

Ле: *(показывает на себе правый глаз)* А вот этот глаз вот так приоткрыт.

Ле: Ну, он на полу лежал.

Са: Я пыталась ему этот глазик закрыть...

Ле: А он приоткрывается.

Са: Я закрываю.

Ле: А он приоткрывается.

Све: Потом когда на следующий день этот глаз был широко открыт...

На: И он был голубого, голубого цвета.

Са: Меня это так поразило.

На: Так широко открыт, как живой.

Ви: И вот за эти три месяца все у тебя, блять, сбылось. Ну вот, буквально, по пунктам - сижу и сука играю себя.

Све: Но он в хорошем состоянии был.

Ле: Он красивенький был.

Све: Его когда уже в Донецке приготовили, он успокоился.

Ле: Уже больше не бежал.

На: Даже вот этот глаз - ещё такой стремящийся...

Са: А уже когда его подготовили, я его за носик так, за ручки потрогала...

На: И он успокоился.

Кри: А он у меня любитель - у него был GoPro и он постоянно снимал. И когда это произошло, мне отдали его телефон. И я только потом открываю и смотрю: видео есть. У меня сразу: «Ну как?» Ну потому что тебя очень сильно ранило, у тебя все болит, а ты достаёшь телефон, чтобы записать, как ты всех любишь.

Са: Такой любви не существует.

Ле: Такой любви не существует.

Са: Мне всё время мало было его.

Ле: Всё время мало.

Са: Двадцать четыре часа в сутки.

Ле: Семь дней в неделю находились вместе.

Са: И мне всё время мало было с ним.

Кри: Да он на видео весь в крови лежит. Лицо в крови и он улыбается. Улыбается и извиняется... ну, и что любит.

Са: Я вот прихожу откуда-то, я с ним разговариваю.

Ле: Подхожу там, его целую...

Са: А сплю всё время с ним.

На: И как-то вот было, что эта коробка на меня нападала сначала.

Све: Потому что я сначала с закрытой спала.

На: И там с этой крышкой всё время что-то случалось во сне.

Ле: Она открывалась.

Све: Я обратно её...

Са: А она снова на меня.

На: Я говорю: «Мантас, нападает на меня».

Кри: И просто кричит: «Я тебя люблю!» «Я люблю Лёву», «у вас все будет хорошо»...

Све: Потом я начала открывать.

Ле: Просто вот открываю крышку.

Све: И сейчас я сплю с открытой.

На: И кладу возле себя.

Са: Возле плеча всегда.

Ле: *(показывает)* Здесь.

На: И ни разу вообще не было чтобы сдвинулась эта коробка с места.

Са: Или когда просыпаюсь, я ложу себе на сердце.

Све: Пепел от моего тепла нагревается...

На: И я ещё с ним так лежу.

Кри: Я не знаю, где его могила. Я узнавала, но там, получается, было прямое попадание в это отделение, где он лежал, и все сгорело. А там не хоронили людей, они там лежали в морге, либо в отделении и у них на ноге писали фамилию. Ну то есть, он просто там вот сгорел.

Резко вырубается свет.

11. Начальник

На авансцене на стуле сидит Голос. В форме без обозначительных знаков.

Голос: Вы ничего не пропустили? Кто убил Мантаса?

Пауза

Све: Кто?

Голос: Я у вас спрашиваю – кто его убил?

Са: Откуда нам знать... если даже Анна не знает?

Голос: Разве? Как его взяли в плен?

Ле: Ну они пошли искать машину. Легковушку... вот с этим водителем.

Голос: Что ей водитель сказал?

Ле: Ничего.

Све: Он с Мантасом разговаривал, она просто слышала их разговор...

Голос: Когда на следующее утро вернулся. Что он Анне сказал?

На: «Мантаса нет, не оглядывайся».

Голос: Потом?

Све: «Нас взяли в плен и мы просидели всю ночь на передовой...»

Голос: *(перебивает)* Потом.

Са: И вот его отпустили, а Мантаса не отпустили.

Све: Должен был приехать какой-то начальник там или...

Голос: Стоп.

Ви: А мы что теперь - по второму кругу пойдём? Так у меня дахера нерассказанного. Я как бы ещё в Будапеште, мне, сука, дахера ещё ехать...

Голос: (*перебивает*) Кто убил Мантаса?

Ви: Война и убила.

Голос: Кто конкретно? Все эти «война убила» пусть останутся в войнах прошлого. В этой все будет по-честному.

Са: Ну если с ее слов, то этот Слава, начальник, реально не знал. По-началу...

Голос: Не с ее слов, а ее словами. Где она это сказала?

Ле: Ну вот же он говорит: «Я не знаю».

Голос: Чуть выше возьмем. С шестнадцатизэтажки.

Све: Перебегаю в шестнадцатизэтажку, спрашиваю, есть ли плененные?

На: Говорит: «У нас там один Азовец есть, или, типа, там старые, нету.»

Ле: И получается, я пробежала через всю фронттовую линию.

Са: И как раз вот выхожу от куда я начала.

На: И эта «нива» уже стояла там, начальник их штаба.

Голос: Дальше.

Све: Тоже самое говорю: так и так, может задержали?

Ле: И говорю, знаю, что позывное есть: такой-то и такой-то.

Са: Он говорит: «Это мой солдат».

Голос: Стоп. «Позывное есть». Отматываем, что ей сказал водитель?

Све: Должен был приехать какой-то начальник там или...

Голос: «Какой-то начальник»! Дальше.

Ле: Очень склочённо, неразборчиво говорил, никакого адреса, ничего...

Све: Единственное, упомянул какой-то позывной одного из солдат, который услышал.

Голос: Вот он – один и тот же солдат. И один и тот же начальник. С этого момента он знает, что муж этой ебанутой, которая сломя голову бежит по всему фронту, находится у него. Бесстрашной, глупой, влюбленной – мы не знаем, что он о ней думает, но ему уже интересно. *(голосом начальника)* «Да, это мой солдат».

Са: Я обрадовалась, говорю: «Ну так вы спросите у него, мне сказали, Мантаса он задержал».

Ле: Он говорит: «Он просто солдат».

Голос: Он бежит на передовой и стреляет, как я тебе его спрошу?

Све: Я говорю: «Хорошо, но вот если пленяют, какая процедура у вас?»

Голос: *(голосом начальника)* Я не знаю.

Са: Так задержите меня.

Све: Логично будет, что нас в одно место направят, если вы не знаете.

На: Он так заулыбался, говорит...

Голос: Заулыбался! Оценил храбрость девочки. Что-то неординарное в этой рутине войны. Тут есть во что поиграть.

Кри: В смысле? Им там что, делать нечего? Ну так он просто мог ею воспользоваться. Насколько я понимаю, там это вообще не проблема...

Голос: Ну вот иди, от куда ты пришла, с передовой, подымай руки, тебя мои солдаты изнасилуют, мы скажем, что украинцы, обратно тебя ко мне приведут, а я не хочу этот грех на душу брать, я людям хочу помочь.

Кри: Ну вот именно - почему он ее не тронул?

Голос: *(голосом начальника)* Ты глухая? Я людям хочу помочь. Почему...

На: Кстати, могло такое быть. И с этого вот момента он реально ее пасет. Чтобы никто даже пальцем... Это его любимая кукла.

Голос: Дальше. Где он у нас опять появляется?

Ле: Там если этого начальника нету, всё равно у всех солдат спрашиваю.

Све: Они же тоже меняются.

Са: Потом идешь через пол города на семнадцатый район.

Ле: Потом опять возвращаешься.

На: Потому что я знаю, что этот начальник...

Са: Что он что-то...

Голос: Она уже понимает. Обоим уже все известно, но игру ведет он.

На: И вот так пять дней.

Све: Возвращалась к водителю маме.

Са: Потом от неё шла обратно.

Све: Фотографии уже раздавала, и вот писала.

На: «Я Белоброва Анна Александровна, ищу мужа Мантаса Квядаравичуса, был задержан в районе детской поликлиники, по улице...»

Ле: Солдатам, людям, начальникам...

Са: А этот же начальник тогда мне и сказал...

Голос: Вот тут помедленнее. Поподробнее.

Пауза

Све: То есть, вот я 30-го числа возвращалась к водителю матери...

Голос: Там скамейка еще была - вы ее не заметили.

Све: Возвращалась к водителю матери, так я через дорогу еле перешла. Так села, это было не у Мира, а у другого штаба...

Голос: Все - она сбилась с ног, у нее отчаяние.

На: И поворачивает машина, я смотрю на номера - этот начальник.

Голос: Нужен новый адреналин. А то она щяс все бросит.

Са: Я подбегаю: «Что-то вам удалось узнать?»

На: И он мне вот это...

Голос: (*голосом начальника*) Твой муж погиб. (*своим голосом*) Он же не спроста это делает, еще так театрально, эффектно – ему явно нужны ее слезы.

Све: И этот леденящий его взгляд...

Са: И эта уверенность...

На: «Твой муж погиб».

Ле: Не моргая.

Голос: Ну да, как десерт в конце серого дня, в котором было одно только мясо.

Пауза

Голос: Кстати, а почему он сразу тело ей не отдал?

На: Потому что бой шел, и солдаты говорят: «мы своих не можем забрать».

Са: Когда 1-го числа я пришла, всё равно, смотрю: бои ещё.

Голос: Но ведь и 2-го шли. Почему вдруг решил отдать?

Са: А я там еще узнала...

Ле: Накануне узнала, что в Володарске подвалы есть.

Све: Какие-то для задержанных, с которыми уже проводят работы.

Са: А в церкви велосипед был.

Ле: Думала, может взять и в Володарск с этим велосипедом.

Са: Там тридцать что-ли километров...

Голос: Вот! Она щяс укатит, на этом сука велосипеде, нужно срочно готовить финал.

На: Ну вот такое все в голове. И подъезжает эта «нива».

Са: Но там не начальник, а его водитель, и с кем-то...

Голос: Конечно, его там нет - он на сцене уже репетирует.

Све: Он говорит: «Садись.»

Са: И я даже не понимаю, куда я еду.

Ле: Мы проезжаем фронттовую линию.

Све: И они так сворачивают где девятиэтажка.

Голос: Ну это просто, получается, занавес. Кулисы величиной с девятиэтажным сгоревшим зданием.

На: И я смотрю, с бокового окна...

Ле: Вот ещё в далеке...

На: Мантас лежит.

Голос: Эффектно. Как для любителя...

Све: А он проезжает быстро.

Са: И у меня всё как в замедленном видео.

Голос: Очень даже не худо...

Ле: Я вот так вот смотрю...

Све: И начинаю его бить.

На: Говорю: «Тормози машину!»

Ле: Я выбегаю...

Све: И там Слава, начальник, сидит на стуле возле подъезда.

Голос: Вот он - финал. Кульминация. Стоило потрудиться. (*голосом начальника*) Чё, твой?

На: Он знал даже где он лежал.

Голос: Ну он же сам его туда положил. Сам ставит и сам же играет.

Ле: Я вырываюсь, а он солдату махнул, чтоб солдат меня за локоть держал.

Голос: (*кричит*) А слезы где? Где катарсис?

Ле: То есть он меня за локоть так обратно к этому Славе.

Голос: Ну ты же главная кукла в моем адском спектакле. И мой единственный зритель. Мне нужна сатисфакция – зачем я столько трудился.

Пауза

Голос: Ладно... Гражданской помогите, там куда ей надо, Володарский есть морг, там в Донецке, решишь куда, распоряжение дал, заберёшь, погрузите его там.

Ви: Послушайте, а вам не кажется, что мы уже занимаемся... что это уже не театр, и у нас как бы нет компетенции...

На: Ну почему же... если кто-то в аду решил поиграть в театр, почему театр не может разоблачить его?

Ви: Но это еще ничего не доказывает. У нас одни только доводы.

Ле: Кстати, а она же еще там говорит... когда уже в морге, Мантаса ей отдали – про пулевые отверстия. А одежда при этом - целая.

Голос: Сколько там этих отверстий?

Ле: По ее словам, несколько.

Голос: Не по ее словам, а ее словами. Донецк!

Све: И потом только в Донецке мне всё сошлось.

На: Почему мне всё странно.

Све: Потому что, я уже в Донецке увидела тело, увидела пулевое ранение...

Са: Вот здесь (*показывает с левого бока живота*) ранение.

Ле: И как бы сюда (*указывает на центр лба*). Ну, контрольный.

Са: И первое, что было странно, была не естественная поза для Мантаса.

Ле: В которой он лежал.

На: Ну он не мог так умереть.

Ле: То есть, как солдат говорил, по разрывам похоже, что как мина взорвалась.

Све: Но я понимала, что это не мина.

Са: Мы миллион раз это делали, когда что-то летит...

Све: Ты ложишься, закрываешь уши, открываешь рот, чтобы контузии не было.

Ле: То есть, если бы он так лежал, то я бы поняла,

На: Но лежал он в другой позе.

Све: И потом я думаю, а что ж еще?

Са: А крови не было.

Ле: На песке.

На: Там где он лежал.

Са: То есть... его убили голого, где-то в подвале, и только потом одели?

Све: Получается, так.

Са: Привезли в этот чертовый двор уже мертвого...

Кри: Но он же реально ей помог. Дал солдатам распоряжение везти куда она скажет. Почему он ее не убил, ну или там не воспользовался?

На: А это просто другая игра. Другой уровень. Ну это, как я это понимаю: вот у тебя они двое... один в подвале, а другая под пулями бегает, ищет, где ты его прячешь.

Голос: Я знаю только одно существо, если только оно существует, которое именно так поступает. Одной рукой убивает, а другой дарит жизнь. А тут же власть. Безграничная. Как тут не поиграть.

12. Эпилог

Голос: Тьфу тебя, мразь – как я ненавижу это играть. Мог, яйца бы откусил.

Голос уходит. Пауза

Са: И что? Что нам теперь с этим делать?

Ле: Да, какой итог? Какой вывод? Ушел себе...

На: А это всегда так было. Они начинают, а нам потом это все расхлебывать.

Пауза

Са: Кстати, по поводу этого - мне тут такое недавно приснилось...

Све: По поводу чего?

Са: Мужского. Всего вот этого... «яйцы откусить» – вспомнилось, когда он сказал.

Ви: Ну, ну...

Са: Жуткий сон. В общем, город, война и я подхожу к какому-то водоему... вокруг разбитые дома и посередине как такое озеро небольшое. А я вся

грязная, черная и мне надо помыться. Я раздеваюсь и голая лезу в эту воду. А она такая мутная и там мелко, где-то мне до коленок, ну, то есть, нужно лечь, чтобы полностью окунуться. И я ложусь. А в воде что-то плавает, как будто рыбы, но не рыбы и полная вода вот этой херни и она так неприятно прикасается к телу. И я начинаю смотреть, что же там плавает? А это мужские члены. Стояки. Все озеро в этих хуях, без туловища, без ничего, одни вот эти стоящие члены, как бы сами по себе. И я такая: ААА! Просыпаюсь... Мыться, мыться, быстрее, быстрее в душ.

Ви: (*смеется, лезет в карман*): Щяс мы проверим в соннике. Чтобы это могло означать – озеро стоящих хуев...

Са: Ну, это, видимо, все вот это насилие... насилие над женщинами на войне. Да и не на войне - на войне это просто принимает другой масштаб.

Ви: Да, на войне быть женщиной, особенно, еще когда ты красивая...

На: При чем тут красота...

Ви: Ну не говори... Я как раз вот недавно тут встретила... ну то есть, я зашла в супермаркет, сделала покупки, выхожу, а возле моей машины топчутся две женщины. Ну они были очень такие, сразу видно, что они только оттуда. Вот они ко мне бросились: «Подскажите, где центр регистрации беженцев?» Я повезла их. Едут они со мной и одна, что очень важно, некрасивая, а вторая красивая. Вот та, что некрасивая, много говорит, примерно как я, а вторая молчит. (*смеется*) Да, я и не отрицаю, что я болтушка. И вот в конце, когда мы расставались, некрасивая бросилась обнимать с благодарностью, а которая красивая, я так попыталась (*пробует обнять*), и она так (*сжимается*)... и я как бы не настаивала, понимаю, что неспроста. Быть красивой на войне это ж полный пиздец. А вот эта некрасивая говорила, говорила и рассказала. Они как выезжали, едут колонной машин, их в колонне очень много, в машине самой очень много: взрослые, дети, собаки, а сбоку от дороги стоит танк. И сверху на танке, около башни, сидит парень с автоматом. Сидит, ножкой машет, ему весело. Ножкой болтает и выбирает, в какую машину он стреляет, а в какую не стреляет. А она говорит, машина едет буквально три-пять километра в час, мы как бы ползем вот этой колонной и видим, как в машине, которая была перед нами, вылетают от выстрела мозги у человека и по заднему стеклу так разползаются. А ты продолжаешь ехать, объезжаешь эту машину. И танк иногда выстрелом сшибает машины. Ты объезжаешь, видишь это все,

слышишь крики людей, кто там ранен, кто горит в машине, а ты не можешь выйти помочь, ты просто едешь в этой коллоне. А тот машет ножкой на танке и как в считалочке: убью - не убью.

Са: Неужели нельзя остановиться? Свернуть с этой дороги?

Ви: Запрещено.

Све: Ну да ладно, все равно уже...

Ви: Ну нет. Выйдешь из колонны, растреляют. А так: пятьдесят на пятьдесят. И у этого как бы нет логики, у этого есть настроение. Ему легко, он играет в игру.

Пауза

На: Ну и я могу сон рассказать...

Све: Кстати, вы вот когда рассказывали, в самом начале... я промолчала. Думала, зачем это все... Воот... А сейчас, конечно, после всех этих ужасов... это уже наверно и неважно.

Ле: Ты про что?

Све: Про то самое. *(замолкает)* В общем, у меня «опыт» был... в десять лет.

Ви: Да ладно!

Све: *(кивает)* Есть такой в Москве Музыкальный театр юного актера. Где артисты дети играют на сцене с профессиональными актерами. У нас был свой зал, на наши спектакли продавались билеты. И как-то я сначала все это воспринимала, ну мне казалось, что он как бы поощряет и восхищается впервые очередь моим актерским дарованием, что я там стала его любимицей, я играла главные роли...

Са: Он это кто?

Све: Художественный руководитель этого театра. И тут он мне приносит книжку «Лолита». Набокова. И прямо вот настоятельно просил меня ее прочитать. Потом он меня стал провожать домой. Причем это было очень странно – я помню, как мы едем в метро, а он мне чуть ли не во весь голос

читает стихи. Ну очень странное поведение, учитывая, что рядом с ним стоит десятилетняя девочка.

Кри: А сколько ему было лет?

Све: Ну... это можно посмотреть в Википедии, но я думаю, что так... за сорок пять, сорок шесть...

Ви: Вот так вот.

Све: Ну да, достаточно большая разница в возрасте. В общем да, он меня провожал до дома, потом возле подъезда там... ну вот как ведут себя влюбленные мальчики, только это не мальчик – это взрослый дядька. Но как бы первое время он особо себе ничего не позволял, там обнимал, целовал меня в губы, но, слава богу, пока без языка. Потом он стал меня возить в гости к своим друзьям. И где-то там в лифтах, когда никто не видит, он уже целовал меня по настоящему. С языком. Целовал, трогал...

Кри: А ты что?

Све: Слушай, я настолько была в каком-то недоумении и ужасе от того что происходит... что я просто сомкнув рот вот так вот стояла. Ну я как бы не отвечала, ясное дело, но ему особо это и не надо было, может и еще больше заводило. В театре там мог где-то проходя мимо затащить в кулису и начать обнимать, целовать. И не помню вот с какого времени это повелось, ну, видимо, многие дети далеко живут, и мы стали оставаться на ночь в театре. Мы стелили маты на сцене, он ложился посередине, брал меня, чтоб я ложилась рядом с ним, и вокруг еще кучка детей.

Са: Кошмар.

Све: Ну я так понимаю, я была не одна. После меня была еще одна девочка, когда мне уже было лет четырнадцать...

Кри: Ты уже была взрослая...

Све: Да, я взрослая стала. И еще потом была одна... Я так понимаю, что многие об этом знали или догадывались, но делали вид, что ничего не происходит. У нас же было достаточно много взрослых педагогов...

Ле: А все ограничилось тем, что он тебя целовал?

Све: Слушай, я даже не знаю, как это мягко сказать... Вот все прелюдии были, но самого полового акта, слава тебе господи, не было. Один раз такое было, это мы поехали к его другу, а он оснаватель и директор довольно известного в Москве лицея. И у него на цокольном этаже школы был детский бассейн и маленькая сауна.

Са: В школе?

Све: Ну да. И вот в этой бане... да, он засунул в меня палец. Но это было один единственный раз.

Кри: А ты маме не говорила?

Све: Нет, моя мама до сих пор об этом ничего не знает. Да, меня это все безумно тяготило, но у меня просто после этого много чего было, что касается сексуального насилия, как бы оно у меня было и не один раз, но это было потом и это были совершенно другие люди...

Ви: Даже не один раз?

Све: Два раза. Но это уже были изнасилования. Настоящие.

Кри: А что тот? Он жив еще?

Све: Да более того, он и сейчас худрук этого театра. И щяс у него свой курс во ВГИКе и он еще стал депутатом пару лет назад.

Ле: В госдуме?

Све: Да, он сейчас в правительстве.

Ви: Офигеть.

Све: Ну это все как бы такие базовые вещи до двадцати лет. Почти каждая из нас все это прошла и уже на фоне этой войны, всех этих ужасов... Ну как бы... Спасибо, что только так. Что не убили.

На: Ну слушай, нет, это по-прежнему... поверь мне, я вот слушаю и у меня аж мурашки по коже. И слава богу, что это так, одно зло не отменяет другое, каким бы большим оно ни было. А тут еще как бы и корни, из чего выросло это большое. Ну вот вам - он же теперь еще и в правительстве.

Пауза

Све: Прости, я тебя перебила. Ты сон начала рассказывать...

На: Да... и это, кстати, про то же самое. Ну или не тоже самое, я уже сама запуталась...

Ле: Да все про то же. Тоже самое.

На: Да, у меня, похоже вот как у Анны, есть сон, который мне снится постоянно – ну вот всю мою жизнь. Тоже город. То есть, какой-то город, в котором я знаю, где что расположено - где у меня там кладбище, где какой-то дом, в котором что-то было. А я же еще летаю во сне. При чем я всем говорю: это так просто, ты летишь, как плывешь. И вот я вылетаю и вижу этот свой город, а он такой зеленый, но не лето, а скорее ранняя осень, листья уже желтеющие и как черное такое, как плесенью затягивает окраины города, ну вот рассказываю как помню, как будто какая-то выжженная земля. И я оттуда из под облаков лечу вниз, где еще невыжженная земля и начинаю спрашивать, что происходит, почему там как бы все уничтожено. А мне говорят, что типо там то-ли болезнь, то-ли что, но не говорят «война». Я говорю, так а кто все это устроил? И мне показывают на гору. Там, получается, прямо вот на границе, где эта черная плесень, храм стоит. И говорят, вот там - Главный. И я лечу туда, захожу в этот храм, и тишина, полумрак, какие-то вот только лампы и красный такой свет по углам, как глаза. И там где-то у аналая я вижу силуэт человека, который стоит на коленях и как бы обращен к этому алтарю, а там просто бесовские какие-то образы. И я начинаю: «Эй, эй, послушайте...» Я понимаю, это вот он виноват. И он поворачивается... И это Путин!

Все смеются.

Ле: О, Господи...

На: И я начинаю его бить. Бить его просто в лицо, хочу добиться крови. А от него как бы все так (*пальцами мнет себе щеки*) - весь ботокс отстает, а я хочу мяса. Я просто понимаю, что эта вся выжженная земля – это все он. И я его бью, бью, думаю, пока не добьюсь крови, я не успокоюсь. И что-то там с него полилось и у него вот так шух (*руками проводит по щекам*) - и выровнилось. И какая-то кровь, я вижу подтеки какие-то, как зубы выбиты. И я смотрю на него и мне его так жалко. Вот как сыночка, родненького. Ну то есть, я выбила вот эту бесовскую какую-то хрень...

Све: (*саркастически*) Ничего себе сон.

На: И я проснулась, говорю мужу, как мне этого Путина было жалко во сне. Он такой: «Что?!» То есть вот это переключение от какой-то ненависти, вот просто разорвать эту плоть, до того, что вот прямо: «сыночек, миленький, как же это...» Ну я увидела какое-то живое существо и вот жалко стало, прямо аш сердце кровью облилось.

Ви: Не знаю... я бы продолжила. Не остановилась.

На: А я считаю, что если мы все обезчеловечимся, то... это будет победа зла. И я по-прежнему, хотя я понимаю, что уровень несправедливости и жестокости просто какой-то космический, но я не могу допустить у себя вот это. Очень странные чувства: вроде бы, кажется, взял бы их всех, собрал и уничтожил. А с другой стороны, ты понимаешь, что это не выход. Это как мы расстреливаем убийц, и убийц не становится меньше на планете.

Пауза

Са: Слушайте, а мы же забыли сон Анны.

Све: Какой? Про часы?

Са: Нет, вот тот повторяющийся. Который у нее с детства. Мы его не досказали.

Ле: Точно. Это когда она уже в Мариуполе...

На: Ну тогда это надо сначала, иначе не склеется.

Кри: А дайте тогда и нам. Хотя б попробовать, это ж блин главная героиня.

Ви: Да, кстати, вы ее такую зрелую сделали. Вообще такую – матюр. А она же вообще ребенок. Ей двадцать девять.

Све: Угу, ребенок... Такое пережить.

Ви: И все равно - двадцать девять. Она же от этого не стала старухой.

Ле: А кто этот монолог начинал?

На: Я, естественно. Мистическое – мое направление.

Са: Но ты его начинала и сама же заканчивала. А это как бы не честно – еще в самом финале...

На: Ну если так выпало...

Са: У тебя только что монолог был на пять страниц.

На: Но это же мой монолог. Он мне приснился...

Све: Ну да ладно тебе, не жадничей.

Пауза

На: В детстве мне часто снился один и тот же сон. Вот из той серии - повторяющихся.

Са: *(перебивает)* А это разве не мое? Как бы детство...

Ви: *(перехватывает)* Что я бегу по войной разбитому городу и кричу, кого-то зову...

Кри: Но кого - я не понимаю.

Ле: Этот кто-то всегда был без имени.

На: А потом этот сон исчез.

Са: Я выросла и его долго не было.

Све: И вот буквально за неделю до нашего выезда он мне снова приснился.

Ви: Только теперь я уже звала Мантаса.

Кри: Я четко кричала: «Мантас».

Ле: Перед тем как проснуться.

На: И вот когда я уже была в Мариуполе.

Са: Когда я искала Мантаса.

Ви: И крутилась возле этих штабов.

Све: Кто-то из солдат мне сказал, что видел гражданского.

Кри: В синей куртке и с рюкзаком.

Са: Что он где-то вот там проходил.

Ле: У передовой. За домами.

На: И я побежала туда.

Ви: И вот где-то там за углом блеснуло мне что-то синее...

Све: А может мне померещилось.

Кри: И я кричу: «Мантас!».

Са: Я бегу и кричу...

Ле: Мантас!

Ви: И в этот момент я вдруг понимаю...

На: Что я реально попала в свой сон.

Титры

Спустя несколько дней Яна Шульга с сыном и мамой на эвакуационном автобусе смогли выбраться из оккупированного Бердянска. Сегодня они живут в Швейцарии. Яна по-прежнему мечтает вернуться в Мариуполь - город, в котором она родилась и провела юность, встретила и потеряла мужа Михаила Шульгу.

Анна Белоброва вместе с телом Мантаса Кведаравичюса тайно вывезла и весь ими отснятый материал, из которого за рекордные сроки в Париже был смонтирован фильм «Мариуполис-2. Премьера состоялась на Каннском кино фестивале, а 10 декабря в Рейкьявике на церемонии вручения призов Европейской Киноакадемии «Мариуполис-2» был признан лучшим документальным фильмом Европы 2022 года.

“Screendaily” о фильме: «Мы можем применить известную фразу Ханны Арендт назвав то, во что углубляемся, «банальностью войны», увидеть, как повседневная жизнь протекает в невозможных условиях».

“Variety”: «Ты видишь мелочи и чувствуешь их – как жилось во время войны, такого не увидишь на CNN».

Ночь перед выездом в Мариуполь Анна и Мантас провели в Запорожье, где Мантас, словно что-то предчувствуя, предложил ей утром пойти и оформить брак. Анна отказалась. Она ждала настоящей свадьбы, которую они уже запланировали: 6 сентября на острове Тинос в Греции, где был забронирован весь свадебный дом и приглашены друзья.

6 сентября, как и планировалось, Ана вылетела в Грецию. Чтобы высыпать прах Мантаса в Эгейское море, которое они оба так любили.

Конец